

Original title: Le dur métier du loup

Written by Alex Cousseau, Kéthévane Davrichewy, Marie Desplechin, Christian Oster & Olivier Solminihac and illustrated by Delphine Perret

© 2011, l'école des loisirs, Paris

Translation copyright © 2020 by Albus Corvus

© Ирина Кузнецова, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2020

Содержание

1. Странный день рождения 5
Оливье де Сольминиак

2. Совсем один 13
Мари Деплешен

3. Рок-н-волк 21
Кристиан Остер

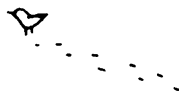
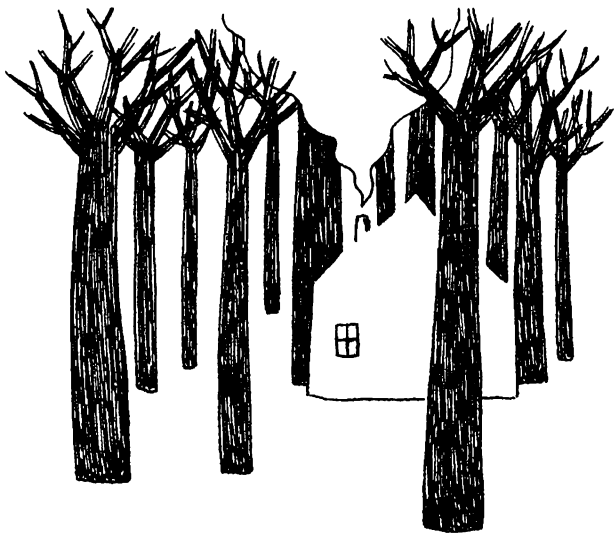

4. Сахара 31
Кетевана Давришеви

5. Капитан Люк 41
Алекс Куссо

1

Странный день рождения

В далеких лесах жил-поживал
маленький волчок со своими роди-
телями. Звали его Люк.

А потом однажды ему исполни-
лось семь лет.

— С днем рождения! — сказала Мама
Волчица.

— С днем рождения! — сказал Папа
Волк.

— Herzlichen Glückwunsch! От души
поздравляю! — сказал ветер по
имени Петер.

— Приятного аппетита, — нехотя
проговорила курица.

Люк приготовился задувать свечки.
— Минуточку, — сказал Папа Волк.

Люк подождал, пока Папа Волк настроит свой фотоаппарат. Он набрал побольше воздуха в легкие и широко улыбнулся, готовясь дунуть. Но тут...

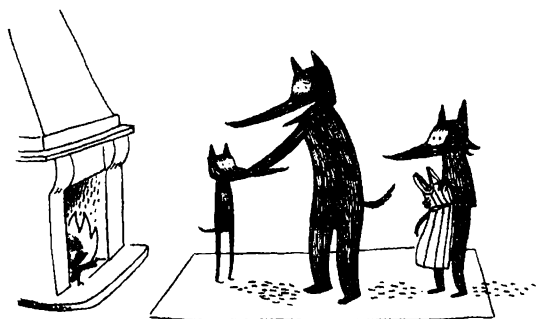
— Е... Е... Entschuldigung! Извините! — чихнул ветер по имени Петер.

Мама Волчица разделила именинную курицу. Она дала кусок Люку, кусок Папе Волку, третий, самый

маленький, взяла себе. А ветер подхватил несколько перышек.

Люк очень радовался своему дню рождения. Папа Волк и Мама Волчица тоже.

Но после праздничного угощения Папа Волк откашлялся и положил лапу Люку на плечо.

— Слушай, старик. Тебе уже семь лет. Ты совсем взрослый.

Люк с гордостью кивнул.

— Пора решить, чем ты собираешься в жизни заниматься, — продолжал

Папа Волк. — Вот скажи, кем ты хочешь быть?

— Ну, — ответил Люк не задумываясь, — вопрос простой. Хочу быть волком, как мой папа.

И он посмотрел на Папу Волка, но тот не ответил.

Мама Волчица улыбнулась, но как-то криво.

— Нет, — сказал Папа Волк. — Это невозможно.

Мама Волчица несколько раз кивнула, медленно водя мордой сверху вниз, снизу вверх. Папа Волк снова кашлянул и продолжал:

— Лес стал маловат. Еды не хватает. Куры попадают все реже и реже, а Красных Шапочек и вовсе давно нет. Ты не сможешь быть волком, как мы. Тебе придется уйти из этих мест и поискать себе другое ремесло.

Папа Волк и Мама Волчица отвернулись. У них было тяжело на душе. В животе у Люка вдруг образовалась пустота, и пустота сказала: — Бур-р!

Мама Волчица лизнула Люку спинку.

— А вы? — спросил Люк. — Вам тоже придется уйти из этих мест и поискать себе другое ремесло?

— Нет, — сказала Мама Волчица, помолчав. — Мы были волками, волками и останемся. Нам поздно что-то менять. Но ты...

Папа Волк подошел к маме. Они что-то прятали за спиной. Мама Волчица шагнула в сторону.

— О! — сказала она, меняя тон. — Что это у нас тут такое?

Из-за ее спины вдруг появился сверток в яркой подарочной бумаге.

— Вау-у-у! — завопил Люк и тут же разорвал бумагу зубами.

Внутри оказалась котомка.

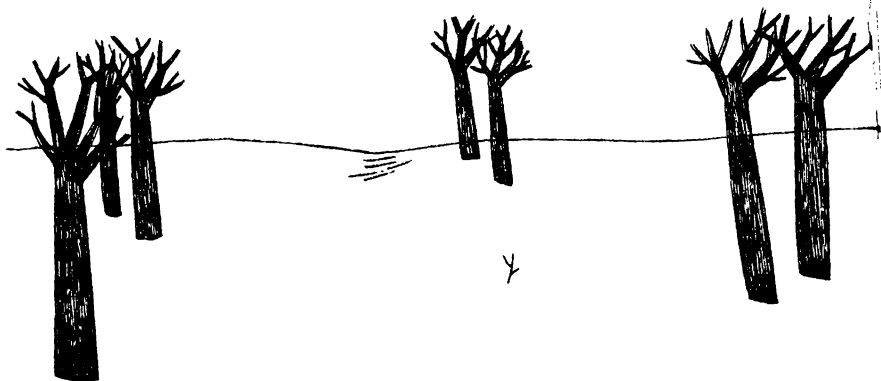
Люк, который уже умел завязывать узелки, привязал котомку к палке. А внутрь юркнул ветер по имени Петер.

— Ну вот ты и готов, — сказала Мама Волчица.

— Прощай, мой волчок, — сказал Папа Волк.

Люк ничего не ответил. Он взял палку с котомкой и ветром и ушел.

Странный все-таки получился
день рождения! Потом Люк огля-
нулся. Вдалеке он увидел папу
и маму.
— Я вам напишу-у-у! — провыл он.

2 Совсем один

Опускались сумерки. А вместе с ними посыпал мелкий снежок. Люк по пути видел деревья, поляны с высокой травой, бурные ручьи. Но не встретил ни одного живого существа. Живыми существами даже не пахло. Ему стало очень одиноко. Он шел долго и проголодался. Вдобавок ныли лапы. Все это ему надоело. Он сел на ствол дерева, поваленного бурей.

— Ужасный день рождения! — сообщил он сумеркам. — Я совсем один и хочу есть.

Никто ему не ответил, тем более сумерки.

— Я сейчас тут усну и к утру, быть может, умру! — крикнул Люк. — Будете знать!

Мысль о смерти показалась ему такой грустной, что слезы потекли из его голубых глаз. Никто ничего не заметил. Слезы на волчьей морде разглядеть непросто. Волки только кажутся крутыми, на самом деле они просто мохнатые.

Пока он украдкой плакал, рядом села большая птица. Наверно, не сообразила, что это волк. Подумала,

наверно, что камень. Удобно все-таки иметь серую шкуру! Вечером, да еще в снегопад она служит отличной маскировкой. В общем, птица села рядом. И тут, не моргнув глазом, не шевельнув ни одной шерстинкой, Люк обрушил на нее мощный удар лапой. Он ее попросту прихлопнул. Никто больше не думал о смерти. Ни птица, потому что она уже была мертвой, ни Люк, потому что был занят едой. Еда веселит печальное сердце голодных.

Перекусив, Люк задумался. «Поищи себе другое

ремесло», — сказал Папа Волк. Люк принялся вспоминать, что умеет делать, и получился целый список. — Ходить, следить, нападать, бежать, ловить, гонять, травить, убивать, — произнес он в сгустившуюся темноту.

Никто ему не ответил, тем более темнота.

Он продолжал:

— Рвать, драть, грызть...

Ответа по-прежнему не было. Люк задремал. Уши его опустились, глаза закрылись. Ему уже начинал сниться сон. Засыпая, он пробормотал:

— Петь?

— Natürlich, конечно, — вздохнул ветер по имени Петер, зашевелившись в котомке.

Он там так ерзал, что из котомки вырвался сквозняк и сдул с Люка снег. Ветер Петер кружил вокруг волчка. Следил, чтобы ничто не нарушало его сон. Он это умеет. Это же ветер. Он ужасно могучий.

Люк проснулся с восходом солнца. Сны улетучились из его головы. На смену им пришли слова. Слова появлялись, а Люк сразу их пел. Давно в лесу не слышали такого воя.

*Большие птицы лучше всех —
Глаза блестят, лоснится оперенье.
В кастрюльке, в сковородке, в колбасе
Большие птицы просто объеденье.*

Поголосив всласть, Люк отправился к речке. Сев на камень, он опустил лапу в холодную воду. Течение поглаживало и покачивало ее, как водоросль. Скоро в нее попадет форель. Люку останется только вонзить когти в свой завтрак.

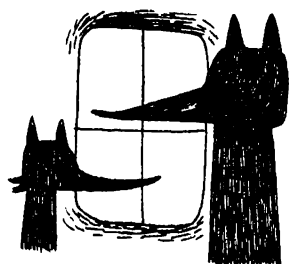
Тем временем ветер унес вдаль его песенку. Она развеселила выдр,

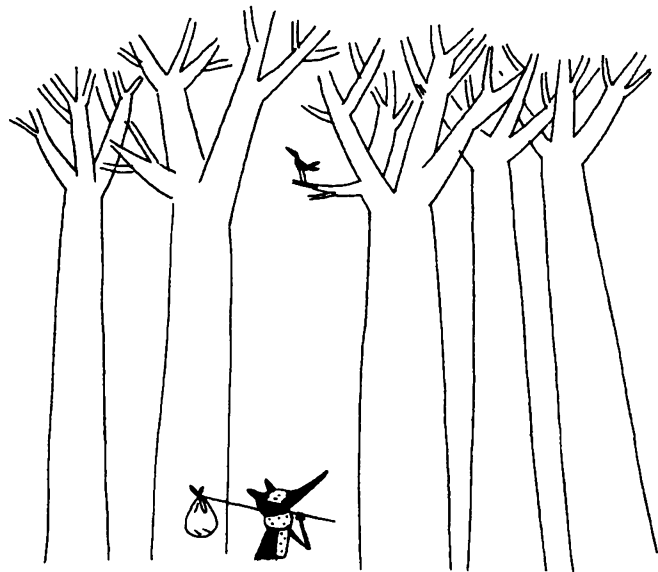
волков, куниц и ласок. Но совсем не понравилась птицам. Ну что ж поделаешь! Всем не угодишь, а птицам все равно нравятся только их собственные песни.

Ветер донес пение сына до Мамы Волчицы. Она посмотрела на Папу Волка и скромно улыбнулась.

— Я всегда знала, что он талантливый, — заметила она.

— Глотку дерет... — проворчал Папа Волк. — И ты называешь это ремеслом?

Люк продолжал свой путь. Никогда лес не казался ему таким большим. А все потому, что раньше он уходил из дому только на охоту. Теперь же он просто уходил. Уходил, понятное дело, далеко. Новая жизнь — это всегда далеко.

И даже дальше, чем просто далеко.

Он опять устал. И опять уснул. А когда проснулся, увидел рядом странный предмет. И некую странную особу. Совсем крохотную. Люк был постоянно голоден и мог слопать ее в один присест. Но маленькая особа спокойно смотрела, как

Люк протирает глаза. Она указала ему на странный предмет.
— Это гитара, — сказала она.

— А ты? — спросил Люк. — А ты что такое? Ты съедобная?

— Я фея, — ответила она. — Последняя фея в этом лесу. Не советую меня есть. Мне нужно с тобой поговорить.

— Давай, слушаю тебя, — сказал Люк. — Я, пожалуй, съем тебя потом.

— Не стоит. Я не питательная, мной не наешься. Только хуже

будет. Если меня съешь, сильнее проголодаешься. Так ты будешь меня слушать?

— Да.

— Ты хорошо поёшь. Гитара поможет тебе петь еще лучше. Надо перебирать струны одной лапой и прижимать их другой, — объяснила фея.

— Что-то я не совсем понял, — сказал Люк.

— Я и сама не очень в этом разбираюсь, — призналась фея. — Но ты научишься. Пока!

И она исчезла. Вернее, исчезла, но не сразу. Как будто растворилась прямо на глазах.

Люк снова остался один. И побрел дальше со своей котомкой и гитарой. Играть он будет учиться потом. А сейчас главное — идти вперед.

Лес был такой же большой, как и раньше. А может, еще больше. Кто знает, что способен выделывать лес, особенно если собираешься начать новую жизнь.

Как бы там ни было, а Люк вскоре проголодался. Он что-то напевал, но пением сыт не будешь. Прямо перед ним пробежал фазан. Люк хотел поймать его, фазан увернулся, метнулся в сторону и собирался взлететь. Недолго думая, Люк схватил гитару за гриф и жахнул ею по фазану. Фазана он прикончил, но гитара, стукнувшись об землю, издала неприятный глухой звук. Люк сел завтракать рядом с треснувшей гитарой. Он жевал и думал, что начал учиться музыке не самым удачным способом.

И тут перед ним вырос кабан. На плече он держал загадочный

предмет из золотистого металла, изогнутый с двух концов.

— Привет, — сказал кабан. — Меня зовут Леон. Я тут наблюдал за тобой. Музыка так не делается. Гитару нельзя ломать перед концертом. Можно в крайнем случае сломать ее во время концерта, когда атмосфера уже соответствующая. Я саксофонист, хочу собрать рок-группу. Ты что играешь, какую музыку?

— Э... — протянул Люк. — Я скорее вокалист. И сочиняю песни. Для этого мне вроде как должна пригодиться гитара.

— По-моему, тебе еще многому надо учиться, — заметил Леон. — Хочешь, пойдем со мной?

— А что конкретно будем делать? — поинтересовался Люк.

— Покорять мир музыкой, — ответил Леон.

— Не знаю, хочу ли я покорять мир, — задумчиво сказал Люк. — Я просто хочу попробовать петь.

— Но ведь тебе нужна публика, — принялся объяснять кабан. — Ты же не будешь распевать один перед папоротниками. Сам видишь, здесь, в лесу, кроме птиц, которые исполняют всякое старье, и, может быть, пары-тройки куниц да нескольких ушастых кроликов, никто ничего в музыке не смыслит. Нет, верь мне, надо выбираться из этого леса и попытать счастья в других краях.

— Наверно, ты прав, — согласился Люк. — Только я уже сомневаюсь, получится ли у нас когда-нибудь выбраться из этого леса. По-моему,

деревьев становится все больше, а вокруг делается все темнее. И добавок холод собачий.

— Надо просто играть и петь на ходу, чтобы не падать духом, — твердо сказал Леон.

И они тронулись в путь. Люк запел:

*Я бедный одинокий волк.
Где мое будущее волчье?
Со мной кабан, какой в нем толк?
Велит идти, но нету мочи...
Я жить так больше не хочу,
От холода кричу: «У-у!»*

Леон дул в саксофон, извлекая из него душераздирающие звуки, а Люк жалобно царапал свою треснутую гитару. Редкие звери, попадавшиеся им по дороге, затыкали уши и разбегались во все стороны, а Люк и Леон по-прежнему дрожали от холода.

Наконец они бросили играть и петь и пустились бежать, чтобы согреться.

— У тебя голос хороший и слова неплохие, — выдохнул на бегу Леон. — Немного печальные и не слишком для меня приятные, но неплохие. А вот над музыкой, я думаю, стоит еще поработать.

— Ну да, ведь, если я правильно понял, мы только начинаем.

— А продолжение там! — вдруг раздался чей-то голосок.

Это на краю тропинки появилась фея, она указывала им дорогу к опушке.

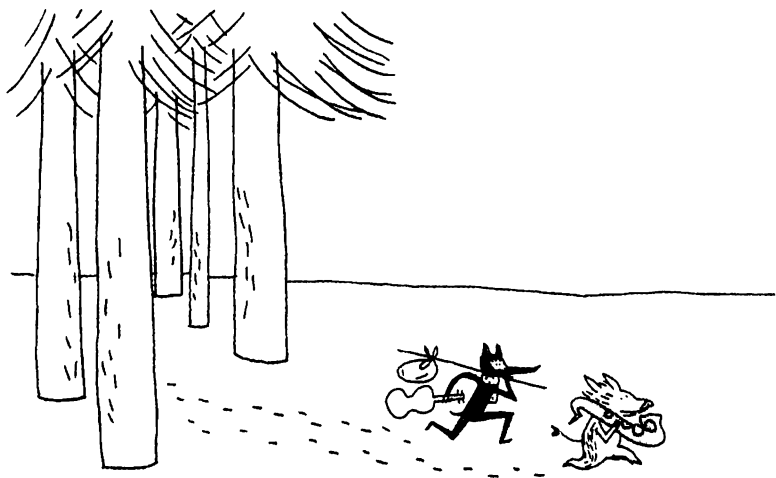
— Спасибо, — крикнул Люк, не останавливаясь.

— Спасибо, — крикнул Леон, тоже не замедляя бег. — Она классная, эта фея, — добавил он, обращаясь к Люку.

— Ты ее знаешь?

— Она дала мне саксофон. Его все-таки легче таскать, чем рояль.

4 Сахара

Они бежали, бежали, бежали так долго, что уже не замечали ничего — ни холода, ни тишины, ни как сердце в груди колотится. Так, бегом, они и вырвались из большого леса.

И вот они на равнине. Все покрыто снегом, и ни звука вокруг — ни шелеста листьев, ни даже слабенького чириканья птиц. Друзья остановились как вкопанные, ошеломленные простором.

Они опустились на снег, как на пушистый ковер. Но снег оказался холодный и куда более жесткий,

чем они думали. Мороз пробрал их до костей, они прижали к груди свои инструменты, как будто гитара и саксофон могли их согреть. И больше не шевелились.

Внезапно Люк почувствовал, как в котомке тихонько заворочался ветер. Он подумал, что пора выпустить ветер на волю, и эта мысль заставила его встряхнуться. Он открыл котомку.

— Что ты делаешь? — спросил Леон.

— Отпускаю ветер, — ответил Люк.

И ветер улетел, улетел даже быстрее, чем положено улетать ветру.

— Auf Wiedersehen, — шепнул он с последним дуновением.

И снова все кругом замерло.

— Подожди, — сказал Леон, — нужно сыграть. Прощаться всегда нужно под музыку.

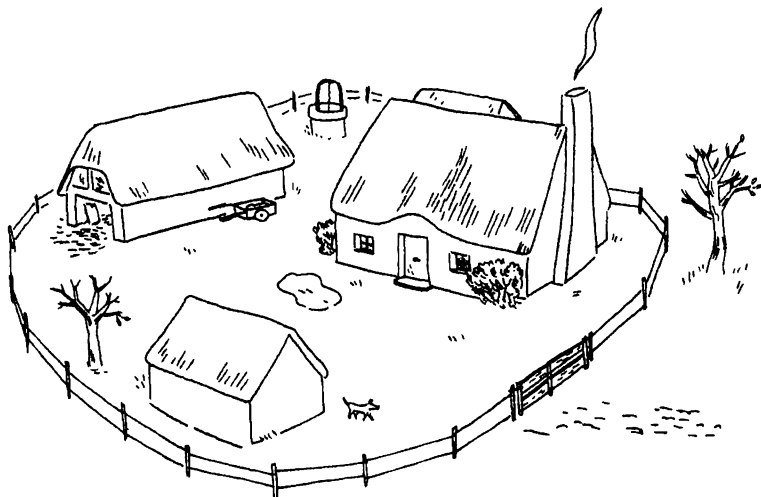
Он взял саксофон и заиграл. Посреди равнины зазвучала музыка. Люк принялся перебирать струны треснутой гитары. Сейчас это получалось у него легко, потому что необъятность пространства завладела им, подхватила и повлекла вдаль. И еще, наверно, потому, что поблизости не было зверей, которые могли бы заткнуть уши. На этот раз Люк поверил в красоту своей музыки.

И правда, разве она не красивая?
У Люка на губах рождалась песенка,
он тихонько напевал ее, слов было не
разобрать, но это не важно.

Друзья снова двинулись в путь,
они шли, играли, Люк пел. И музыка
заполняла все вокруг. Они легко
шагали по огромной снежной рав-
нине. Песня рассказывала об исчез-
новении ветра, о бегстве из большого
леса, о последней фее, а еще о послед-
них волках. Рассказывала печально,
но красиво, на то она и песня. Люк
грустил, однако его ноги послушно
следовали музыке, несли его вперед,
и он как будто летел.

Они шли так быстро, что не заме-
тили домик впереди. Вокруг фермы —
а это была ферма — снег почти
растаял, из-под него пробивалась

зеленая травка, кое-где распустились мелкие цветочки. Начинаясь весна. Но Люк и Леон ничего этого не видели и продолжали шагать.

На ферме юная собачка Сахара издали почуяла их и слышала пение. Она заволновалась. Ей было так скучно, так хотелось в большой мир, а родители ее не отпускали, хотели всегда держать при себе, человек тоже.

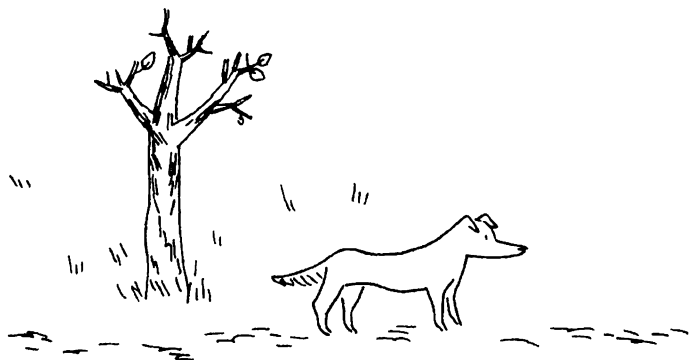
В птичнике закудахтали куры.

— Тихо! — твякнула Сахара. — Не разбудите папу с мамой.

Ее называли в честь пустыни, что же они теперь удивляются, если она хочет увидеть горизонт! Она вслушивалась в музыку, в пение Люка. Музыканты приближались. Сахаре хотелось, чтобы они поскорее пришли, но она понимала, что их никто не должен видеть. Как быть?

Ветер улетел далеко, листья на деревьях не шелестели, ничего не подсказывали.

Сахара пролезла под забором. Странно, что она никогда не делала этого раньше. Даже и не догадывалась, насколько это просто. Сахара оглянулась: во дворе все спокойно, ничего не изменилось. Она принялась: запахи Леона и Люка для нее были

новыми. Сахара застыла в сомнении, она уже не знала, идти дальше или вернуться.

Голос Люка делался все громче и громче. Друзья действительно были почти совсем рядом. Сахара двинулась им навстречу. Она стеснялась, не знала, что сказать, поэтому закричала:

— Вы в лесу, что ли? С ума сошли так орать!

— Извините, — ответил Леон. — Мы думали, тут никого нет.

Люк перестал петь. Он притих и не осмеливался рта раскрыть. — Вы тут живете? — спросил Леон. — Нельзя ли у вас перекусить?

— Вряд ли получится, — ответила Сахара. — Это опасно, человек вас прогонит. А вы куда идете?

— Идем жить своей жизнью, — ответил Леон.

— Можно я с вами? — воскликнула Сахара.

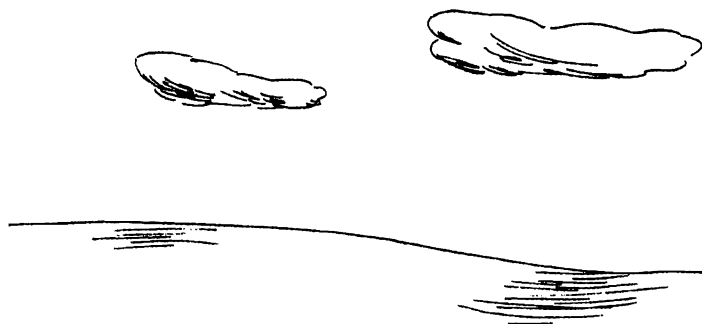
У нее это вырвалось случайно, но она была рада, что произнесла эти слова.

— Конечно нет, — сказал Леон.

— Почему бы нет, — одновременно с ним сказал Люк.

Все трое замолчали. Сахара медлила в нерешительности и смотрела на свою ферму: домик выглядел так уютно, над соломенной крышей склонялись деревья, обвивая ее ветвями, словно руками. Потом она повернулась к равнине, которая тянулась вдаль насколько хватало глаз.

Сахара кивком указала в сторону дороги. И вот уже песня заскользила вдоль горизонта, опрокинув по пути несколько облаков.

5 Капитан Люк

День за днем наши путники шагали вперед вместе с весной. Сахара всегда шла первая. Она бежала, обгоняла друзей, а горизонт оставался все так же далеко. Может быть, даже дальше, чем раньше. А может быть, он вообще удалялся. Кто знает, что способен выделять горизонт, особенно если собираешься начать новую жизнь.

Сахара пела. Люк чуть позади подпевал ей и аккомпанировал на своей треснутой гитаре. Леон с саксофоном замыкал шествие.

Случалось, что их пение никому не нравилось, их прогоняли прочь, и тогда они брели целую ночь голодные. Но все чаще и чаще их песни нравились, и в благодарность за них друзьям давали еду. Каштаны, желуди, картошку или щи из крапивы. Наевшись досыта, они могли поваляться под луной. Сахара знала

названия всех звезд и перечисляла их в темноте. Обычно на пятой или шестой звезде все засыпали.

Так они шли много дней, следуя течению реки. Это была все время одна и та же река, одна и та же песня, одни и те же звезды. И одни и те же вопросы.

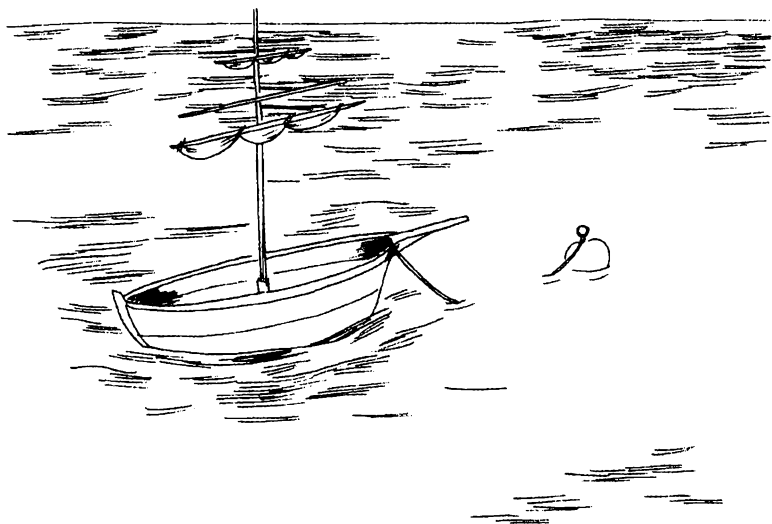
Люк спрашивал, когда начнется его новая жизнь. По указателям на дорогах не поймешь, в новой он жизни или еще в старой.

Леон спрашивал, далеко ли до города. Он мечтал о концерте перед тысячами зрителей, которые будут выкрикивать его имя: Леон! Леон! Сахара спрашивала, сколько осталось до горизонта.

И вместе они придумывали ответы на свои вопросы. Люк рассуждал о том, что в жизни, как

в книгах, есть главы и каждая новая глава — это новая жизнь. Леон предполагал, что город где-то на горизонте. А Сахара догадывалась, что горизонт — это завтра. Горизонт — это всегда завтра. Не важно где, не важно когда, но это всегда завтра.

На следующий день они подошли к краю жидкой голубой пустыни.

— Что это такое? — удивилась Сахара. Она и представить себе не могла, что пустыня может быть жидкой и голубой.

Это было море, но никто из них не знал, что такое море.

Люк вошел в него по колено. Он заметил что-то вроде плавучей гитары с высокой палкой посередине и привязанными к ней мешочками.

— Что это? — воскликнул Леон.

— Это парусная лодка, — ответил Люк, вспомнив историю из книжки. Историю, где отважный капитан плавает по жидкой голубой пустыне. Подхватив котомку и гитару, он прыгнул в лодку. Вот он и капитан Люк!

— Прошу на борт, дамы и господа! Путешествие продолжается!

Когда все забрались, Леон посмотрел на капитана с тревогой:

— Как эта штуковина движется?

— Ветер надувает паруса и гонит судно вперед, — ответил Люк.

И он отвязал канат, который держал лодку у берега.

Их медленно относило к середине голубой пустыни, но никакого ветра, чтобы надувать паруса, и в помине не было. Ничего удивительного, потому что ветер исчез еще в предыдущей главе. Люк выпустил его из котомки и даже проводил с музыкой. Ничто на горизонте не предвещало ни ветра, ни волн.

— А горизонт где? С какой стороны? — допытывалась Сахара.

Каждый повертел головой, и все трое увидели: горизонт везде.

В пустыне горизонт ходит кругами.

— А вдруг ветер у меня в гитаре? — вслух подумал Люк и встряхнул ее.

— Скорей уж у меня в саксе, — возразил Леон. — Это же духовой инструмент.

— Хватит чушь болтать, — осадила их Сахара. — Ветер никогда не исчезает надолго. Он наверняка вернется в следующей главе.

— И что мы будем делать?

— Ждать.

— А вдруг следующей главы не будет? — забеспокоился Леон.

Никто ему не ответил. Все приготовились ждать. Долго.

Воспользовавшись этим, Люк вытащил из котомки карандаш и листок бумаги. Он не забыл, что, уходя из дому, обещал родителям написать письмо. Вот он и сел писать.

Дорогая мама, дорогой папа!

Я живу хорошо.

У меня теперь есть двое новых симпатичных друзей, с ними я научился петь и играть на гитаре. Это, наверно, не совсем ремесло, но ем я досыта.

Мне кажется, в жизни, как в книгах, есть главы. У меня сейчас глава пятая, и я жду следующей.

Что в жизни хорошо, так это что можно самому придумать следующую главу. И мы ее придумаем. Мы вернем ветер и будем петь вместе с ним.

Теперь всякий раз, как услышите ветер, знайте, что вы в новой главе моей новой жизни, и вспоминайте обо мне.

Целую вас крепко.

Люк

